

Немного жарковато, — подумал Сянь Чэньюэ, стоя под палящим солнцем. Его взгляд упал на лицо мальчика. В его глазах это уродливое лицо ничем не отличалось от обычного, разве что глаза казались неестественно огромными, словно у персонажей цветных комиксов, которые так любили его одноклассники в школьные годы.

Вот только на живом человеке это выглядело отталкивающе.

Мальчишка указал на него пальцем. Увидев, что Сянь Чэньюэ не двигается с места, он в ярости затопал ногами и принялся рвать на себе волосы.

— Пусть подойдет! Пусть подойдет сюда!

Лян Шу и Фэн Чжун не могли пошевелиться, а брат Чжоу все так же оцепенело смотрел на нож в своих руках. Единственным человеком, сохранившим способность двигаться и ясность мысли в этот момент, была Се Юминь. Лицо ее уже было залито слезами. Она знала, что не должна просить Сянь Чэньюэ о помощи — это было их задание, и Сянь Чэньюэ не имел к нему никакого отношения.

Она все прекрасно понимала.

И все же она пошла в его сторону.

Она хотела жить. Они все хотели жить, и ради этого она была готова проявить больше бесстыдства, чем кто-либо другой.

— Брат Сянь, — Се Юминь стояла перед ним, вся дрожа. Она выглядела так, словно только что выбралась из воды: холодный пот насквозь пропитал одежду и волосы. Лицо ее было мертвенно-бледным, а в глазах не осталось ни искры жизни — скорее, она походила на утопленницу.

Се Юминь почти усилием воли выдавила из себя слова:

— Брат Сянь, помоги... помоги нам, пожалуйста...

Ей казалось, что она еще никогда в жизни не совершала столь подлого поступка — молить человека, не причастного к беде, взвалить на себя эту муку.

Сянь Чэньюэ посмотрел на это жалкое лицо и холодно спросил:

— Что мне за это будет?

Се Юминь застыла. Она чувствовала себя так, будто оказалась посреди ледяной пустыни, окруженная бесконечным холодом и отчаянием. Лишь спустя несколько секунд она с трудом обрела дар речи:

— Пирожные из маша... я отдам тебе половину...

Это было единственное, что они могли предложить.

На лице Сянь Чэньюэ не дрогнул ни один мускул. Он отвел взгляд от Се Юминь и, не колеблясь ни секунды, зашагал прочь.

У него не было столько доброты, чтобы раздавать ее направо и налево. В реальности он мог дать мелочь нищему на улице, потому что эти деньги для него ничего не значили, но здесь каждая попытка помочь означала подвергнуть себя смертельной опасности.

Если он спасет других, кто спасет его?

Он не мог позволить себе умереть в Изнанке.

— Он не монстр, — не оборачиваясь, бросил Сянь Чэньюэ. — Просто избалованный ребенок, которому вечно всего мало. Чем больше ты идешь у него на поводу, тем больше он требует.

Идущий следом Су Янь с улыбкой сказал Се Юминь:

— Вы просто представьте, что он ваш младший братишка. Разве вы стали бы исполнять любой каприз родного брата?

Се Юминь сжала руки в кулаки, ее голос дрожал:

— Но он не брат...

Брат, может, и не затаит обиду, а этот монстр — запросто.

Если не исполнить прихоть брата, в худшем случае они просто поссорятся. Но если отказать монстру, кто заступится за них, когда они погибнут?

Кто знает, не убьет ли он их в следующий раз, когда сменит гнев на милость.

Они были обычными людьми, выросшими в мирное время, воспитанными на моральных нормах, и они не могли сохранять такое же ледяное спокойствие, как Сянь Чэньюэ.

Су Янь, напротив, добродушно предложил:

— Тогда отвлеките его внимание. Дети не могут долго концентрироваться на чем-то одном. Они как обезьяны из притчи: жадная обезьяна бросает арбуз, чтобы подобрать кунжутное семечко.

Се Юминь замерла. Она так и стояла, глядя вслед уходящим мужчинам.

Лишь Линь Минь обернулась и с тревогой и страхом посмотрела на них.

— Он не идет! — Мальчишка вдруг запрыгнул Се Юминь на спину и вцепился в горло. Его руки были маленькими и сухими, но обладали силой, превосходящей силу взрослого мужчины.

— От тебя никакого толку! — пронзительно закричал мальчик. — Умри! Умри!

Лицо Се Юминь быстро налилось кровью, она начала задыхаться. Она не могла выдержать даже веса ребенка и рухнула на колени.

От нехватки воздуха она начала судорожно хватать траву руками. Она что, умирает?

Се Юминь чувствовала лишь боль, в голове была пустота. Никаких видений из прошлого, о которых пишут в книгах перед смертью, не было.

Единственное, что она осознавала — это боль, и единственная мысль билась в мозгу: надо бороться! Надо жить!

Она из последних сил рванулась и вцепилась в волосы мальчишки.

У него были длинные волосы, похожие на водоросли. В этой деревне мальчиков до двенадцати лет воспитывали как девочек: называли женскими именами, одевали в девичьи платья и отращивали длинные волосы — верили, что так они проживут дольше.

В эпоху без современной медицины, даже если женщина рожала восемь или девять раз, удачей считалось, если выживали трое.

Се Юминь вцепилась в волосы ребенка, как в последнюю соломинку.

— Отпусти! — взвизгнул мальчик.

Хватка на горле немного ослабла, и Се Юминь судорожно вдохнула.

Она видела, что Лян Шу и остальные наблюдают за ней, но никто из них не решался вмешаться.

Она должна сохранять ясность! Она обязана!

Пока мальчик визжал и не успел снова напасть, она поспешно произнесла:

— Братишка! Давай я поиграю с тобой в игру, хочешь?

Мальчик внезапно притих, и его голос неожиданно стал очень послушным:

— Тогда я хочу твои большие пальцы.

Се Юминь отшвырнуло в сторону, когда мальчик ее отпустил. Она повалилась на землю, лицо было в слезах и соплях, но она даже не смела кашлять, прижимая руки к горлу:

— Пальцы... пальцы — это неинтересно. Братишка, давай я лучше поймаю для тебя сверчков?

Голос мальчика был полон презрения:

— Здесь нет сверчков.

Се Юминь торопливо затараторила:

— Кузнечиков! Богомолов! Гусениц! Кого угодно!

— Бабочек! — скомандовал мальчик.

Он мерзко хихикнул:

— Я оторву им крылья! А вы должны будете их съесть!

Се Юминь, не раздумывая, громко ответила:

— Хорошо! Хорошо! Я поймаю их для тебя!

Она должна выжить, во что бы то ни стало!

Стоя на перекрестке, Сянь Чэньюэ оглянулся. У него было отличное зрение, и он видел, как

они начали играть с мальчиком в относительно нормальные игры.

Это напомнило ему о том, как он сам впервые попал в Изнанку и впервые столкнулся с этими чудовищами.

Тогда он тоже боялся, но боялся не монстров, а смерти.

Он обязан был выбраться оттуда живым. Какой бы ценой, сколько бы людей вокруг ни погибло — ему было все равно.

В те времена он был по-настоящему безжалостным. Бывало, в критические моменты он порывался подставить других под удар, лишь бы самому остаться в живых.

Возможно, пройдя через множество испытаний, теперь, имея свободные ресурсы, он иногда мог дать совет.

Но он никогда не станет рисковать собой ради других. Если они погибнут, его жизнь продолжится, а если погибнет он — все будет кончено.

Сянь Чэньюэ холодно хмыкнул.

— Брат Сянь, а Се Юминь и остальные точно справятся? — Су Янь выглядел нерешительным.
— Может, мне вернуться и проверить?

Сянь Чэньюэ посмотрел на него.

У Су Яня были очень светлые, красивого янтарного цвета глаза. Несмотря на его дерзкий и строптивый нрав, в нем чувствовалась какая-то странная искренность и простота. Под этим взглядом Сянь Чэньюэ ответил:

— Иди.

Су Янь замер.

Разве он не должен был его остановить?!

Сянь Чэньюэ продолжал смотреть на него:

— Иди. Если умрешь, я уберу твой труп.

Су Янь изо всех сил старался сохранить выражение лица, про себя проклиная Сянь Чэньюэ как непробиваемого чурбана, который одинаково холоден и к девушкам, и к красавцам. Знал бы он, ни за что не предложил бы вернуться — лучше было бы выразить свою скорбь и сострадание, сказать, что Се Юминь и остальные наверняка справятся, и вернуться во двор.

Теперь, если он не пойдет, его образ будет разрушен!

Су Янь украдкой глубоко вздохнул:

— Тогда я схожу проверю. Брат Сянь, вы с Линь Минь идите во двор. Если я не вернусь до заката, значит...

— Значит, сдох, — без тени сочувствия закончил Сянь Чэньюэ.

Су Янь, оглядываясь на каждом шагу, поплелся в сторону Се Юминь. Шаги его были такими мелкими, будто он только что избавился от бинтования ног.

Увидев это, Сянь Чэньюэ дернул уголком рта.

— Брат Сянь, может, не надо? — тихо проговорила Линь Минь. — Брат Янь тоже здесь впервые, мы ничего не понимаем, он все равно ничем не сможет помочь.

Су Янь остановился.

Он мучительно размышлял: настаивать ли на своем или согласиться с Линь Минь и остаться.

Как бы поступил Чэнь Вэй?

Су Янь вдруг понял, что ему еще очень далеко до Чэнь Вэя — коварство, оказывается, требует времени на развитие, видимо, Чэнь Вэй начал тренироваться еще в утробе матери.

Сянь Чэньюэ, скрестив руки на груди, наблюдал за ним. Ему было интересно, что задумал этот парень.

Этот человек плакал перед ним, иногда нес всякую чушь, а чаще всего любил порассуждать и проявить сочувствие.

Он что, не боится смерти?

Сянь Чэньюэ холодно буравил его взглядом.

Су Янь внезапно сник, но тут же одарил Сянь Чэньюэ ослепительной улыбкой:

— Я все же пойду проверю.

И он широким шагом направился туда, где были Лян Шу и остальные.

Походка его была твердой, спина казалась необычайно высокой, а тень, тянувшаяся следом, постоянно колыхалась под солнцем.

Линь Минь подняла голову и заметила, что брови Сянь Чэньюэ слегка нахмурились — редкое проявление эмоций на его лице.

Она осторожно прошептала:

— Брат Янь... хороший человек.

Она тихонько передвинулась, стараясь держаться ближе к Сянь Чэньюэ — чем ближе она была к нему, тем спокойнее себя чувствовала.

Сянь Чэньюэ тихо повторил ее слова:

— Хороший человек...

В Изнанке нет хороших людей. Есть только эгоистичные обыватели, которые хотят выжить.

Су Янь в душе кусал локти: знал бы, что так выйдет, не строил бы из себя святошу-добряка, а прикинулся бы слабой и нежной фиалкой. Он, конечно, не боялся смерти, но совсем не хотел умирать в компании Лян Шу и остальных.

— Су Янь?! — Лян Шу не поверил своим глазам, увидев бегущего к ним человека.

Су Янь встал на краю поля, одарил всех мягкой улыбкой и, глядя на мальчишку, который терзал муравья, тихо спросил:

— Хочешь поиграть со мной?

Мальчик посмотрел на Су Яня, оскалился, показав ярко-красный язык, но голос его прозвучал по-девичьи сладко и кротко:

— Старший братик, во что мы будем играть?

— Давай ты отрежешь себе яйца и дашь мне поиграть? Двоюродный брат говорил, что мужские яйца — как куриные.

У Су Яня дернулся глаз, и он инстинктивно сжал ноги.

Этого маленького ублюдка все-таки лучше было убить и сжечь дотла.

<http://bllate.org/book/18701/1807458>